

НОВЫЙ НИКОДИМ.

РАССКАЗ ДЛЯ ТЕХ, КТО БОИТСЯ ЗАРАЗИТЬСЯ И ПОДХВАТИТЬ ВИРУС ЧЕРЕЗ ПРИЧАСТИЕ...

15.04.2020

Олеся Николаева

Вообще эти уполномоченные по делам религии, которым в советское время была дана такая власть, требуют своего отдельного рассказа. Именно от них порой зависела судьба священника и прихода: они имели полномочия или вовсе не дать иерею Божьему регистрацию, или ее отобрать, и тогда он оставался без храма, меж небом и землей, или просто — шантажировали его этой угрозой. Но, как правило, многоопытные священники, знатоки человеческих душ, умели с ними обращаться: те были падки на деньги, выпивку, жадные, сребролюбивые, и, как правило, их просто подкупали и подпаивали. Как называли их в церковном народе, «упал, намоченный»..

А отец Анатолий, многочадный деревенский священник, духовный сын архимандрита Серафима, тоже много чего претерпевавший от своего уполномоченного, в конце концов, обратил его в свою веру. Вот как это было.

Уполномоченный попался ему очень идейный, агрессивный и «занозистый» — все время норовил сделать какую-нибудь пакость священникам. И завел такой порядок: как только иерей Божий, назначенный в храм, обживется на своем месте, прихожанами пообрастет, только детишек в школу поотдаст, крыльцо подремонтирует, огородик посадит, так его сразу и переводить в другое село, в противоположном конце епархии. Формально он придирался к тому, что священник ведет в храме чуть ли не антисоветскую агитацию. Однако для таких серьезных обвинений, подводящих иерея Божьего под уголовную статью, нужны были серьезные свидетельства. И вот поначалу этот уполномоченный сам захаживал во время проповеди, пытаясь поймать священника на слове, а потом, как бы чего-то испугавшись, стал засылать туда с той же целью своих сексотов. И, давая им инструкции, на какой-то своей летучке произнес фразу, которая вышла за пределы и стала крылатой: «Вы, в основном, вокруг все слушайте, а в саму церковь-то не особо часто заходите и ненадолго, а то ведь — за-со-сёт!»

Короче говоря, так и не набрав улик против этого отца Анатолия, он его все же с его девятью детьми изрядно помытарил, перебрасывая из деревни в деревни, из села в село.

А тут еще ему идея в голову пришла: в стране то и дело какая-нибудь вспыхивает эпидемия — то гриппа, то кори, а то и вовсе — холеры. И заказал он местному художнику написать такие красочные плакаты, на которых изображен толстенный поп с красно-фиолетовым злодейским лицом, который стоит с Чашей и причащает худосочных старух. А на Чаше — написано: «Эпидемия гриппа» или «Эпидемия холеры». И старухи эти, отходя от священника, вроде как претыкаются и падают и ложатся штабелями — уже мертвехонькие.

Развесил уполномоченный эти плакаты повсюду, где можно — и на вокзале, и в поликлинике, и у себя в кабинете и вызывает к себе отца Анатолия.

— Вот, Анатолий Васильевич, полюбуйтесь, — обращается он к нему по-светски, по имени-отчеству. — В стране эпидемия, а вы заразу распространяете — всем одну ложку в рот кладете. Не положено так. Не гигиенично! Должен я вам запретить на это время причащать-то! Санэпидстанции просигнализировать!

— Так мы причащаем во исцеление души и тела, — начал было отец Анатолий, но уполномоченный повторил:

— За-пре-тить!

Посмотрел отец Анатолий на эту мазню на плакате, вздохнул, оглядел какую-то плюгавенькую фигурку уполномоченного, тухленькое такое личико и сочувственно говорит:

— Я вот тоже иногда думаю — ведь ко мне причащаться всякие люди ходят. У них и туберкулез, и онкология, и гепатит, и что угодно. А я потом, когда они причастятся, все то, что в Чаше осталось, потребляю. И лжицу за ними — облизываю. И все это — палочки Коха, бациллы, вирусы, инфекции — вроде во мне оказывается...

Уполномоченный радостно закивал:

— Вот-вот! Переносчики заразы!

— Все это — во мне, — задумчиво продолжал отец Анатолий, — а я — вон каков!

И поднялся перед уполномоченным во весь рост. А рост у него — под метр девяносто, в плечах — косая сажень, кожа на лице гладенькая да натянутая, розовая — так и пышет здоровьем и красотой. А зубы-то ровные, белоснежные, чистый рафинад, а волосы — против плешивого уполномоченного — что грива роскошнейшая, кудри крупные завиваются, глаза смотрят ясные, что два сокола... Одним словом, красавец отец Анатолий! Богатырь!

Посмотрел-посмотрел на него уполномоченный снизу вверх и как-то совсем скис.

Ушел от него отец Анатолий и занялся своими делами: богослужения, паства, детишки, матушка...

А через полгода появляется у него уполномоченный, совсем желтый, скукоженный, засохший, как полевая трава. Смотрит на цветущего священника — красавца и здоровяка — мутным взглядом:

— Рак, — говорит, — у меня нашли. Онкологию. Покрестите меня, отец Анатолий. И потом дайте мне из этой вашей Чаши целебной, из которой сами вы причащаетесь. Только в тайне. Партийный я. Нельзя мне.

Покрестил его отец Анатолий, и сделался уполномоченный у него тайным христианином. Вроде евангельского Никодима. Тот ведь тоже — членом синедриона был. А сам по ночам приходил к Иисусу, и когда настал час, собственноручно погребал его, обернув в пелены, умащенные благовониями: алоэ и смирной.

Благодатный Огонь